

делали, в общем, одно дело — сражались за жизнь и свободу своего народа и за свободу всего мира от фашизма.

ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 37516, 38296, 38614, 41859, 43951. [GAAOSO. F. 1. Op. 2. D. 37516, 38296, 38614, 41859, 43951.]

Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / под ред. В. П. Козлова, Д. Наленч. М., 2001. [Katyn'. Mart 1940 g. — sentjabr' 2000 g. Rasstrel. Sud'by zhivyh. Jeho Katyni. Dokumenty / pod red. V. P. Kozlova, D. Nalench. M., 2001.]

Чевардин А. В. Поляки и польские граждане в Свердловской области в 1939–1948 гг. Екатеринбург, 2010. [Chevardin A. V. Poljaki i pol'skie grazhdane v Sverdlovskoj oblasti v 1939–1948 gg. Ekaterinburg, 2010.]

Lityński E. Ukaraní za niepopemñione winy. Stronno, 2001.

Pasynkiewicz S. Opowieść o rodzíe Pasynkiewiczów. Cz. II. 1930–2002. Warszawa, 2012.

Статья поступила в редакцию 12.05.2015 г.

УДК 070.448 + 821.161.1-94:355.1

М. А. Михайлова
Т. А. Снигирева

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ НА СТРАНИЦАХ «НОВОГО МИРА» ЭПОХИ А. ТВАРДОВСКОГО

В статье предпринято исследование принципов и критериев отбора мемуаров, посвященных Великой Отечественной войне, опубликованных в журнале «Новый мир» в годы «оттепели». Показано, как решение о публикации соотносено с общей этико-эстетической стратегией журнала под руководством А. Твардовского. Системному анализу подвергнут один из самых типичных образцов военной мемуаристики на страницах «Нового мира» — мемуары генерала армии А. В. Горбатова «Годы и войны».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Новый мир; мемуарная литература; правда факта; личное свидетельство; военная мемуаристика.

В программной статье «По случаю юбилея» Твардовский-редактор, определяя эстетические принципы и пристрастия своего журнала, не только говорит о предпочтении произведениям «правдиво, реалистически отражающим действительность», но и об особой заслуге «Нового мира» в том, что он «широко открыл двери произведениям мемуарного жанра» [Твардовский, 1965, с. 7]. Ценность этой литературы Твардовский видел в подлинности и большой силе личности автора, в том, что дефицит правды «художественной» восполняется правдой личного свидетельства: «В особом внимании читателя к мемуарной форме, несомненно, нашло косвенное выражение и недовольство литературой профессиональной, стремление дополнить ее фактами, которых она или вовсе не касалась, или касалась не глубоко, не до конца правдиво» [Там же].

Безусловно, русская литература советской эпохи знала и культивировала мемуарный жанр в разных его ипостасях: биография, автобиография, дневник писателя, «такой-то в воспоминаниях современников». Но все это внешнее разнообразие зачастую, если судить по тому, что было опубликовано в советской печати в 1930–1950-е гг., сводилось к единому пафосу: «жизнь замечательных людей». В 1950–1960-е гг. Твардовский и его редколлегия на страницах своего журнала также культивировал мемуары, но мемуары принципиально другие. Основной принцип отбора произведений мемуарного характера для публикации был соотнесен с категорическим «нравственным императивом» правды, главным и для Твардовского, и для журнала.

В необходимости появления мемуарно-документальной литературы в 1960-е гг. сошлось многое: и готовность авторов «вспомнить», и настрой читателей на достоверность, а не на мифологию, и стратегическая задача журнала по «вочеловечиванию» истории. «Настало время, — пишет один из авторов журнала, — когда можно вспомнить тех людей, которые, казалось, обречены на забвение, посмотреть на события минувших дней “свежими, нынешними очами”» [Малюгин, с. 206].

Журнал настаивает на необходимости не «сквозь советские факты» смотреть на прошлое, а уважать факты истории. Два основных принципа оценки мемуаров (и отбора их для журнала), определенные вновь Твардовским в той же статье «По случаю юбилея» — «подлинность и большая нравственная сила автора» — смыкались с основными задачами литературы, какими их видел редактор и его журнал: разрушение советских мифологем разных видов и свойств (кроме основной: социализм как наиболее совершенная форма сообщества людей) и очеловечивание истории и жизни. Мемуары ценились не только как форма обществоведения, но как форма человековедения, где история представлялась не как «движение масс», но как совокупность индивидуальных судеб, как биография человеческого духа. В традиционной формуле советского литературоведения «рассказ о времени и о себе» акцент все больше делался на второй ее составляющей.

А. Твардовский оценивает мемуары и по сближенности их с хорошей прозой. На обсуждении пятого, шестого и седьмого номеров журнала за 1967 г. он счел возможным сопоставить тексты повести Домбровского и мемуаров Горбатова: «В обсуждении выделены две вещи, Горбатова и Домбровского, хотя эти вещи разножанровые. Горбатов — честные, прямые мемуары, Домбровский — беллетристика в чистом виде, но беллетристика хорошая. И тут и там незаурядные авторы. Эти вещи объединяет серьезная нравственная основа, какое-то проникновение в их рассказ чувства человечности, цельной человеческой личности. В одном случае речь идет о людях павших, погибших, в другом — плод фантазии автора, но с какой бережностью отношения к людям» [РГАЛИ, ф. 1702, оп. 9, д. 116].

В 1960-е гг. в «Новом мире» были опубликованы воспоминания, затрагивающие фактически все периоды истории первой половины XX в. Революция: «Черные сухари» и «Зимний перевал» Е. Драбкиной, «Побег из колчаковской тюрьмы» А. Бартова; годы войны: «В боях за Одессу» маршала Н. И. Крылова, «Сорок пятый год. Страницы воспоминаний» маршала И. Конева,

«В небе Ленинграда» маршала А. Новикова, книга воспоминаний генерала армии А. В. Горбатова, «В конце войны», «Незабываемый, победный» генерала Д. А. Драгунского, «Записки из плена» В. Бондарца, «Тыл фронта», «Почетная служба (воспоминания пограничника)» Н. А. Антипенко, «На рубеже мира и войны. С дипломатической миссией в Берлине (1940–1941)» В. Бережкова, «Духом окрепнем в борьбе...» А. Бибика, «Борьба за второй фронт. Из записок посла» И. М. Майского, «Гитлеровцы в Париже» В. Сухомлина, «По дну Ладоги» С. Бланка, Д. Шинберга.

Главная проблема, связанная с темой войны, для новомирцев — это проблема «цены Победы» и, следовательно, цены человеческой жизни на войне. Отсюда — яростные нападки официальной критики, считавшей, что новомирские авторы «принижают подвиг советского народа», забывают за «правдой факта» «правду явления», и не менее яростная защита отделом литературной критики именно «правды факта», которая и питает «правду жизни». В рецензии на книгу А. Розена «Последние две недели» А. Кондратович отмечал: «...писателей, которые вглядываются в то грозное лето сорок первого года и стремятся понять, что тогда произошло, называют «недалекими литераторами». Но мы потеряли в те месяцы сотни тысяч, если не миллионы людей, отдали врагу, пусть временно, громадную территорию, и назвать это мелкой, несущественной «правдой факта», пожалуй, кощунственно. “Отговаривать” же писателей от “темы 41-го года” — значит, по меньшей мере обнаруживать незаинтересованность в исторической правде» [Кондратович, с. 232]. Внешняя «дегероизация подвига», столь характерная для художественного осмысления войны шестидесятниками, так же, как и «правда факта» военной мемуаристики, защищалась «Новым миром», поскольку она имела принципиальное значение: показной патриотизм государственных структур, приведший к многомиллионным потерям, к окончательному обесцениванию человеческой жизни, противопоставлялся «скрытой теплоте патриотизма» тушинского типа, объясняющей готовность воина «принять огонь на себя».

Публикуя в 1969 г. свои дневниковые записи «С Карельского перешейка», Твардовский в авторском предуведомлении признается, как велик был соблазн кое-что исправить в давнишних записях и как он отказался от этой мысли: «И мне показалось решительно невозможным делать в них какие-либо исправления или дополнения, кроме необходимых подстрочных замечаний. Если эти записи имеют какую-либо ценность, то лишь как занесенные в тетрадь для себя тогда» [Твардовский, 1969, с. 117]. В движении к гуманизму, к постижению ценности человеческой жизни и необходимости хранить «жестокую память войны» выделся Твардовскому смысл публикации своей давнишней работы. В дневниковых записях есть строки прозрения: «...такое время, когда об отдельном человеке забывают...»; «Сознание постарело...» [Там же, с. 120], которые во многом определяют психологическую атмосферу книг, в том числе и мемуарных, о войне.

Из широкого спектра военной мемуаристики, опубликованной на страницах «Нового мира», есть смысл подробнее остановиться на книге генерала армии А. В. Горбатова «Годы и войны» как на одной из самых типичных и характерной для журнала.

Личное знакомство А. Твардовского с генералом армии А. В. Горбатовым состоялось в конце 1963 г., в тот момент, когда он без особой протекции («протекцией» было имя) сам принес в журнал «Новый мир» рукопись своих мемуаров. В воспоминаниях «Открытая дверь, или Вечер у генерала Горбатова» В. Я. Лакшин так пишет о встрече сотрудников «Нового мира» с возможным автором журнала: «Он появился в редакции несколько необычным для военного его ранга образом. Бывало, появлению самого предшествовала вереница адъютантов, порученцев, вестовых, передававших красиво оформленную рукопись. <...> С генералом Горбатовым все было иначе» [Лакшин, с. 346–348]. Простота общения, четкое понимание того, что в редакции он выступает не как генерал армии, но как начинающий автор, явно чувствующиеся крестьянские корни, проявляющие себя в некой застенчивости поведения в чужом пространстве, невероятный жизненный опыт, все это, по свидетельству очевидцев, покорило А. Твардовского, как покорили Главного и его редколлегию интонация «невыдуманного рассказа», открытая установка писать (и умение писать!) о том, что пережил сам в переданной «из руки в руки» рукописи. Рукопись называлась внешне просто, но не без едва уловимого пафоса — «Жизнь солдата». Твардовский предложил иное название. Главный редактор делал это в случаях, когда и автор, и произведение были для него дороги, а более удачное и точное название могло укрепить успех. Классический пример — превращение повести «Щ-854» в «Один день Ивана Денисовича», тоже неприятное, но внутренне более объемное, выдвигающее на первый план основной вектор книги — индивидуальную судьбу и историю.

Книга мемуаров А. В. Горбатова под названием «Годы и войны» была опубликована в «Новом мире» в трех номерах 1964 г. Структура ее неприятна и проста, сделана по варианту «исповедь сына века». Воспоминания относятся не только к периоду Великой Отечественной войны, автор начинает повествование со своего рождения, строя его строго хронологически, подчиняя традиционным этапам биографии, которые, и это характерно для судьбы сильной личности, совпадают со значительными историческими рубежами. Так, главы «Детство», «Юность», «Первая любовь» естественно продолжены главами, в которых индивидуальная биография продолжается в судьбе страны: «Служба в Царской армии», «Революция», «Гражданская война», «В мирное время», «Черный год», «Отечественная война».

Хроника событий, оказавшихся в поле зрения автора, не претендует на исчерпывающую полноту, автор стремится писать лишь о тех событиях, непосредственным участником которых он был и которые формировали его характер: «Не считая возможным изображать себя иным, чем я был, я и пишу лишь о том, что действительно заполняло в те годы мою жизнь» [Горбатов, 1964, № 3, с. 145–146]. Простота, безыскусственность и установка на максимально возможную правдивость таили в себе немалую опасность для безболезненного прохождения книги через цензуру.

В воспоминаниях Горбатова было несколько узловых моментов, которые с трудом удалось отстоять «Новому миру»: зачастую спасало само имя автора (но, вспомним, оно приблизительно в это время не спасло маршала Жукова)

и мастерство редколлегии журнала. Так, удалось сохранить страницы, посвященные детству, время которого подчинено православному индикту — годовому кругу богослужений и церковных праздников: «В нашей и окрестных деревнях существовал обычай: уходить на зиму в отхожий промысел на выделку овчин. Все мужское население, достигшее двенадцати лет, покидало свои дома до масленицы, а порой задерживалось и на первые недели великого поста...» [Горбатов, 1964, № 3, с. 134]; «Был морозный крещенский сочельник, когда я пришел в какую-то деревню» [Там же, с. 137].

Более того, удалось сохранить и страницы, на которых автор признается в глубинном православии своей семьи, естественно, ставшем важнейшей частью его душевной жизни: «В лесу, горько плача, я упал на колени, страстно призывая бога и всех известных мне святых смягчить сердце отца» [Там же, с. 136]; «привычная жизнь моей собственной семьи, патриархальной и набожной, тоже меня приучила жить только повседневными мыслями о своем труде, заработке, о поддержании мало-мальски сносного быта» [Там же, с. 146].

Но, по свидетельству В. Я. Лакшина, цензурой были сняты сказанные в сердцах слова о командующем М.: «“Это не командарм, это бесструнная балалайка”. Защищая эту фразу, Александр Васильевич наивно настаивал, что слова свои помнит точно — как же можно их вычеркнуть? Он упрямо сжимал губы, глядел в упор своими строгими глазами и обиженно повторял: “Как же так? Ведь это *так и было*. Я ему в лицо сказал...”» [Лакшин, с. 352]. В журнальном варианте книги «Годы и войны» этот выпад против командующего М. сильно смягчен, и в результате у читателя остается впечатление недоговоренности:

Доведенный оскорблениями до белого каления, я в запальчивости, показывая рукой на командарма, воскликнул:

— Да разве это командарм?

Ко мне подошел Н. С. Хрущев и, положив на мое плечо руку, укоризненно сказал:

— Товарищ Горбатов, разве можно так говорить о командарме, да еще во время войны?

— Больше нет терпения, товарищ генерал. Я сказал то, что думаю... [Горбатов, 1964, № 5, с. 122].

Однако на волне «первой десталинизации» журналу удалось оставить главу «Черный год», которая может быть осмыслена и как завершающая историю становления сильной индивидуальности профессионала войны, и как прологовая к части, посвященной полной личностной реализации генерала армии. Над описанием ареста, пыток («Кроме следователя, в допросах принимали участие два дюжих палача. И сейчас в моих ушах, когда меня, обессилевшего и окровавленного, уносили, звучит зловеще шипящий голос Столбунского: “Подпишешь, подпишешь”. Выдержал я эту муку и во время второго круга допросов. Но когда началась третья серия допросов, как хотелось мне скорее умереть!» [Горбатов, 1964, № 4, с. 120]), нечеловеческих условий лагерной жизни, усугубленной сопротивлением издевательствам уголовников, «социально близких», по язвительной терминологии А. Солженицына, каторжного труда заключенных, многие

из которых умирали, не дождавшись освобождения («Читателям будет трудно представить себе картину, как по склонам гор, растянувшись на четыре километра, вереницей бредут исхудалые люди, не люди, а тени, и, вытянув, как журавли в полете, шеи вперед, напрягая последние силы, тянут древесину. Тяжело тащить груз с горы, еще тяжелее по ровной местности, а при самом незначительном подъеме он становится просто непосильным. Люди спотыкаются, падают, встают и снова падают, но груз трогается с места лишь тогда, когда приходит на помощь кто-нибудь другой, сзади идущий. Так доставляется древесина в лагерь» [Горбатов, 1964, № 4, с. 128]), все же верховенствовала мысль о безусловности веры в новую государственность, мысль, покинувшая самого А. Твардовского только в самые последние годы его жизни: «Пройдет еще много времени, прежде чем в полной мере будет оценен этот период в истории нашей страны. Пройдут года... Цель моего рассказа — поведать молодому поколению о людях, не потерявших даже в этих условиях веру в справедливость, в нашу великую ленинскую партию и родную советскую власть, хотя многие из этих несчастных потеряли надежду вернуться когда бы то ни было на свободу» [Там же, с. 126].

Для А. Горбатова, как и для многих советских людей, важно было не то, как несправедливо обошлась с ним власть, но то, как репрессии, обрушившиеся на кадровое офицерство, опасны для страны: «Больше, чем собственная судьба, военных в нашей среде волновал вопрос: если действительно началась война, то сколько будет излишних потерь в войсках, которые лишились в связи с арестами опытных командиров?» [Там же, с. 124].

Автор не убоился написать, а журнал сумел отстоять мысль, которая все более овладевала сознанием общества периода «оттепели», подкрепляясь и «лейтенантской прозой», и мемуарами «Нового мира»: неготовность страны к войне — ошибка власти, обернувшаяся трагедией для народа: «В эти тревожные дни я много думал о том, как же это случилось, что мы оказались на Волге, можно ли объяснить это только тем, что нападение противника было внезапным? Нет, дело не только в этом, думал я и все больше и больше склонялся к тому, что одной из основных причин наших неудач на фронте является недостаток квалифицированных кадров командного состава: сколько опытных командиров дивизий сидит на Колыме, в то время как на фронте подчас приходится доверять командование частями и соединениями людям хотя и честным, и преданным, и способным умереть за нашу родину, но не умеющим воевать. Части несут потери, получают пополнение, состоящее из людей, давно уволенных из армии в запас. Одни из них забыли военное дело, другие приходят в части, даже не ознакомившись с новым вооружением и техникой. В округах их не учат самому необходимому. Все это усугубляется неумелым подбором людей» [Горбатов, 1964, № 5, с. 124–125].

Но в воспоминаниях генерала армии, и это чрезвычайная редкость, «правда штаба» не всегда входила в конфликт с «правдой окопа». Профессионал войны не мог не писать о войне с точки зрения выполнения служебного долга полководца. Отсюда и описания проблем технического оснащения армии: «Срок решительных действий по расширению нашего южного плацдарма, намеченный на 12 октября, приближался. Но, несмотря на старание тыловых работников,

боеприпасы прибывали медленно, их едва хватало на покрытие текущей потребности. Причин этому было много: отставание складов, подвоз конным транспортом, ибо шоссежных дорог не было, а проселочные из-за дождей для машин стали непроходимыми, да и большая часть машин была неисправной, один рейс занимал четырнадцать суток. Что же получалось? С одной стороны, нельзя проводить активных действий с таким количеством боеприпасов, которого и для обороны мало; с другой стороны, при каждом докладе командующему фронтом мы слышали требование — вести активные действия. Мы были вынуждены отбирать боеприпасы у одних соединений, прибавлять тем, которые предназначены для активных действий» [Горбатов, 1964, № 5, с. 129].

Отсюда и привлечение точного фактического материала. По-видимому, при создании книги воспоминаний автор пользовался записями, которые вел во время войны: «Одиннадцатого мы освободили Верхний Салтов и Петровское, а двенадцатого овладели большим торговым селом Старый Салтов и даже заняли еще большое село Молодовое. За три дня боев мы захватили 42 орудия, 51 миномет, 71 пулемет, 55 автоматов, 400 винтовок, 82 лошади, 16 кухонь, 72 повозки, 6 раций, 41 склад с боеприпасами, продовольствием и вещевым имуществом и другие трофеи» [Там же, с. 121].

Привлечение документов подтверждается включением в текст мемуаров цитат военных донесений: «Вот что я доносил командарму: “Горючее полностью отсутствует, нет надежды на его подвоз колесным транспортом. На дороге г. Волчанск — ст. Бибаково-Новый брошено шоферами большое количество машин с грузом, принадлежащим 14-й кавдивизии. Кроме того, в г. Волчанске оставлено много машин, даже танков, без горючего, принадлежащих 3-й танковой бригаде, хотя боевые части уже отошли восточнее”» [Там же, с. 114].

Но мемуары Горбатова заполнены лицами людей, рядовых солдат и офицеров не менее, если не более, нежели донесениями, перечислениями военной техники, хроникой военных сражений. Причем, и это важно, автор вспоминает чаще всего поступки, реакции людей в трагических ситуациях войны:

Переходя от одного дерущегося подразделения к другому, я видел, как один красноармеец, согнувшись под тяжестью другого, сходил с бугорка. Положив тяжелораненого на землю, он сел около него передохнуть. Когда я подошел к ним, у раненого были крепко сжаты губы, глаза закрыты, а щеки влажны от слез. Услышав разговор, раненый открыл большие серые глаза и, как будто оправдываясь, сказал:

— Я плачу не от боли, нет, я плачу от того, что дал себе слово не умереть, пока не убью хоть пять фашистов, а вот приходится умирать сейчас...

Красноармеец-санитар скороговоркой, как будто боялся опоздать, сказал ему:

— Ты из своего пулемета убил не пять, а может, пятьдесят. Я сам видел, как они падали от твоих очередей.

Не знаю, правду сказал санитар или хотел лишь успокоить умирающего, но после его слов раненый спокойно закрыл свои серые глаза и из них больше не текли слезы.

И вот с такими людьми отступать!.. [Там же, с. 112];

Мы услышали новые артыстрелы у противника.

— Наклоняйтесь ниже, это по нас, — сказал Гуртьев.

Окопчик был неглубоким, мы присели, но головы оставались над землей. Один из снарядов разорвался перед нами в десяти-пятнадцати шагах. Мне показалось, что я ранен в голову, но это была лишь легкая контузия. Гуртьев приподнялся, проговорил:

— Товарищ командующий, я, кажется, убит, убит, — и уронил голову мне на плечо.

Да, он был убит. На память мне он оставил свою кровь на моей гимнастерке и фуражке. Эту гимнастерку и фуражку я хранил до конца войны [Горбатов, 1964, № 5, с. 126–127].

Написанные в жанре автобиографии, воспоминания «Годы и войны» содержат в себе важные сведения непосредственного участника событий. Глубокий психологизм книги, большая степень документальности, минимализм беллетристики и художественной образности направлены на то, чтобы сделать акцент на достоверность изображаемых событий и их «субъективную правдивость». Точен В. Лакшин в определении черт личности, позволивших Горбатову написать живую историю своей жизни, неразрывно связанную с войнами: «Он не принадлежал к числу славолюбцев, которые привыкли на людях кичиться одними победами, упиваться пением фанфар и ликовать. Ему больше помнились тяготы, потери, собственные и других командиров промахи, моменты высшей опасности на войне. И если он чем гордился, то тем, что упрямо преодолевал их» [Лакшин, с. 357].

Принципиально важный для «Нового мира» и сопряженный с его основным направлением сюжет: документ враждебен стереотипам, факт разрушает легенды. «Новый мир» требует от общественных деятелей и литературы не жизнеподобия и правдоподобия, но правды и достоверности. Широко публикуя документальную литературу, мемуары, письма, архивные материалы, «Новый мир» постоянно обращал внимание читателей на это направление современного литературного процесса, подчеркивая его роль в пробуждении в общественном сознании путем сопоставления факта и легенды импульса к самостоятельному мышлению и самостоятельным выводам.

Горбатов А. В. Годы и войны // Новый мир. 1964. № 3. С. 133–156. № 4. С. 99–138. № 5. С. 106–153. [Gorbatov A. V. Gody i vojny // Novyj mir. 1964. № 3. S. 133–156. № 4. S. 99–138. № 5. S. 106–153.]

Кондратович А. Накануне войны // Новый мир. 1965. № 10. С. 231–234. [Kondratovich A. Nakanune vojny // Novyj mir. 1965. № 10. S. 231–234.]

Лакшин В. Голоса и лица. М., 2004. [Lakshin V. Golosa i lica. M., 2004.]

Малюгин Л. Сочинение с ошибками (Заметки на полях мемуаров А. Штейна // Новый мир. 1964. № 12. С. 206–211. [Maljugin L. Sochinenie s oshibkami (Zametki na poljah memuarov A. Shtejna // Novyj mir. 1964. № 12. S. 206–211.)

РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 9. Д. 116. Протокол редакционных совещаний, 18 авг. 1964 г. [RGALI. F. 1702. Op. 9. D. 116. Protokol redakcionnyh soveshhanij, 18 avg. 1964 g.]

Твардовский А. По случаю юбилея // Новый мир. 1965. № 1. С. 3–18. [Tvardovskij A. Po sluchaju jubileja // Novyj mir. 1965. № 1. S. 3–18.]

Твардовский А. С Карельского перешейка // Новый мир. 1969. № 2. С. 61–115. [Tvardovskij A. S Karel'skogo pereshejka // Novyj mir. 1969. № 2. S. 61–115.]

Статья поступила в редакцию 21.01.2015 г.